

КРЕСТОВЫЙ ПОХОД ДЕТЕЙ

Польский театр насыщает христианскими эмоциями немецкую жизнь

Независимая газ. - 2001 - БИЛАЯ - С. 7.

Артур Соломонов

В КРЕСТОВЫЕ походы отправлялись дети. Благословленные Папой, вооруженные мечом и Библией тринадцатилетние мальчики и девочки шли в Иерусалим освободить Гроб Господень. «Teatr Kreatur», где был поставлен спектакль «Мы идем» по рассказу **Ежи Анджиевского** «Ворота рая» о крестовом походе детей, — маленький польский театральный бастион в Берлине. Играют на немецком, но многие актеры и сам режиссер **Анджей Ворон** — поляки. Эта постановка необычна для берлинского театрального ландшафта хотя бы тем, что немецкие спектакли очень редко бывают в такой степени насыщены пафосом и воз-

вышенным жестом. Да и тема — уникальна.

На сцене — несложная деревянная конструкция: то изгиб дороги, уходящей ввысь, то место ночлега. Сверху — крохотный домик, сколоченный из досок. В нем живет предводитель похода **Якоб (Джидек Старжиковский)**. Дети собираются в поход. Им скучно дома, надоели родители, хочется подвигов и приключений, да и остаться наедине друг с другом многие из них не прочь. Из них выбран самый религиозный и обаятельный — пятнадцатилетний **Якоб**. Прощание, благословение священника, и они идут. Конечно, они не более чем пешки в большой игре взрослых и будут использованы в политических, религиозных и сексуальных целях. Но пока они собираются умереть за веру. С лицами, набеленными мукой, в сером, сизом,

лиловом гриме они идут под восточную музыку (композитор **Януш Стоклоза**) по деревянной тропе, что вращается вместе со сценой.

Пафос веры, религиозная экзальтация, как правило, благополучно уничтожают художественное произведение, превращая его в проповедь. Тут помогла режиссерская самоирония. Театр как бы разоблачал сам себя: актеры наклеивали бороды своим персонажам — ведь они становились старше, взрослые играли детей, не пища тоненькими голосками и не пытаясь придать своим взорам невинность, вдруг нам разъясняли, с помощью какого хитрого механизма вращается сцена, актерский грим был нестерпимо ярок и толст... И пафос, данный в немыслимых для немецкого зрителя дозах, растворялся в этой легкой усмешке театра над собой.

Первая любовь, первое убийст-

во. Все совершается быстро. Сцена близости выстраивается Воронем резко, рельефно, как и весь спектакль: юноша (**Максимиан Гирман**) стоит на расстоянии шага от девушки (**Верена Яш**), оба в белых легких рубашках. Девушка окунает волосы в воду и, резко запрокидывая голову, хлещет его струями воды, падающими с волос — раз, другой, третий. Быстрее, еще быстрее. Наутро их казнят. В этом спектакле, кажется, ни слова не было произнесено шепотом, каждый жест был размашист, если нужно было пойти — бежали, если нужно было бежать — неслись, шумно хлопали дверьми и дверцами, с грохотом ставили на пол ведра с водой, расплескивая половину.

Якоб убит, и для многих потерял смысл похода. Стоянка заканчивается, нужно снова отправляться в путь, который, похоже, никогда не кончится. Герои устали.

Вращается крут сцены, вьется изгибами дорога, мелькают лиловые, серые, белые лица актеров. И они идут: их меньше, они старше, страсти все сильнее, а Иерусалим, кажется, ближе не стал. Но они идут.

Берлин—Москва